

— *П*етя, Петюнечка, нам было хорошо друг с другом, но знаешь, я тут подумала с утра и поняла, что не готова к такому решительному шагу, как замужество. Даже с тобой, замечательным, надежным, красивым. Ты ведь меня простишь?

Отражение в зеркале невинно захлопало накладными ресницами, и я пришла к выводу, что тут самое время хлопаться в обморок или лучше сразу в кому. Наверное, только она и поможет избежать брака, в общем-то, с интересным, но нелюбимым мужчиной.

А все родители. Это они мне мозг выели, изо дня в день зудя о том, как мечтают породниться с Петром-старшим. Через мою свадьбу с Петром-младшим.

— Петюнь, пойми, мне всего двадцать один. Мне еще универ заканчивать, карьеру строить, в мальчиков влюбляться. Да и опыта сексуального поднабраться тоже не помешает.

Нет, про мальчиков и сексуальный опыт говорить не стоит, явно не те слова, которые без пяти минут муж ожидает услышать за пять минут до свадьбы от своей будущей жены.

— Прости меня, ладно? Давай останемся друзьями.

Черта с два он меня простит! Если я такое скажу, Оболенский прикопает меня где-нибудь в своем саду, а мои родители ему помогут. Вместе с несостоявшимся свекром.

Путаясь в пышной юбке и чуть слышно чертыхаясь, заметалась по спальне. Что делать? Как быть? Как спасти свою молодую жизнь? Может, написать записку и сбежать, как в каком-нибудь американском фильме? Малодушно, конечно, но зато меня уж точно силой не потащат вниз к гостям.

Петя, конечно, не потащит, а вот с отца станется. Это он был инициатором наших отношений и не допустит, чтобы из-за меня расстроилась многомиллионная свадьба.

Скандал будет знатный.

Распахнув окно, я высунулась наружу и жадно глотнула воздух. Заметив гостей, стекавшихся к дому Оболенских — сердцу старинной усадьбы, построенной Петиним прапрапрадедом, быстро засунулась обратно.

Через окно не сбежать. Во-первых, сразу засекут. Во-вторых, не спускаться же по простыням с третьего этажа. Есть еще фата, но вряд ли она выдержит даже мои ничтожные пятьдесят килограммов.

— Дань, ну ты как? Все еще волнуешься? — В комнату без стука вошла Карина и остановилась, нахмурившись. — А чего это ты такая бледная?

Я бросилась к ней, схватила дружку за руки. Наверное, в тот момент со стороны я выглядела ненормальной, но мне было все равно. Вдруг отчетливо поняла, что, если выйду замуж за Петра Оболенского, повторю и мамину судьбу, и судьбу моей почти уже свекрови — стану красивым дополнением властного и успешного мужа.

— Карин, помоги сбежать!

Подруга тряхнула головой, словно пыталась отогнать звуковую галлюцинацию.

— Что, прости?

— Я не пойду за него замуж.

Пару секунд она молчала, потом взяла меня за плечи и, проникновенно глядя в глаза, легонько потрясла.

— Данька, ты чего? А ну, быстро приходи в себя! Может, тебе успокоительного накапать? Или лучше коньячка для храбрости. Я найду! Сейчас все принесу. Можно даже смешать, и жизнь сразу наладится.

Вряд ли. Разве что коньячок с успокоительным станут моими верными спутниками на весь период замужества. И в горе, и в радости, пока смерть не разлучит нас. Ну или цирроз печени.

Карина попыталась было отправиться на поиски горячительно-расслабительного, но я вцепилась в ее руку мертвой хваткой и зашипела не своим голосом:

— Не наладится! Не пойду за него! Говорю же, помоги! Ты моя подруга или кто?

— Дань, это просто нервное. Со многими невестами так бывает. Я вот на днях в «Космо» читала...

Теперь уже я ее трясла и говорила, быстро-быстро, пока еще оставалось время до похорон моей свободы, карьеры и сексуального опыта:

— Принеси какую-нибудь одежду. Не могу я сбежать в этом мешке!

— Платье от Веры Вонг — это не мешок, — оскорбилась подруга, словно своими руками мне его кроила и шила.

— Неважно. Найди что-нибудь попроще. О, можно даже форму официантки!

- Да где я тебе ее найду?!
- Раздень кого-нибудь... Не знаю!
- Раздеть официантку? — Дружка дернула бровями.
- Карин, пожалуйста, нет времени.

Она подалась назад и глянула так, будто видела впервые в жизни.

— То есть это серьезно? Ты реально собралась кинуть лучшего мужика на свете? Чокнутая... А ты не забыла, что он входит в десятку самых завидных холостяков России по рейтингам Форбс? С утра до вечера забрасывает тебя подарками, катает на яхтах, на руках таскает.

А в перерывах между этим с модельками «отдыхает». Об одной такой модельке узнала совершенно случайно и сразу попыталась прекратить безобразие — наши с Оболенским отношения. Мама остановила. Мол, доказательств нет, только слухи, и нечего верить всяким глупостям. И даже если мужчина вроде Петеньки, с утра до вечера вкалывающий как проклятый и зарабатывающий жене на радость миллионы, иногда сходит налево, в этом нет ничего преступного.

— Меньше тебя дергать будет, — заявила родительница, ласково улыбаясь.

В тот день до меня дошло, что совсем ее не понимаю и вряд ли когда-нибудь пойму. Прошла неделя, и вот я в свадебном платье стою посреди помпезно обставленной спальни и, как никогда, четко осознаю, что ничего этого мне не надо. Ни громкой фамилии, ни миллионов, ни мужа-потенциального-изменщика.

— Поможешь?

— Куда я денусь... — Подруга тяжело вздохнула. — Жди здесь. И не вздумай лезть в окно!

— Не буду. — Слабо улыбнулась, а когда за Кариной закрылась дверь, опустилась на кушетку в изножье кровати и облегченно выдохнула, уверенная в правильности своего решения.

Нужно только дождаться Карину и...

— Ты ведь понимаешь, что она тебе не поможет?

Я резко подскочила и, обернувшись, зацепилась взглядом за высокую светловолосую женщину, точнее, за ее платье — пышное, как у меня. Только невеста здесь я, а не она. К тому же расцветка, ткань... Дама как будто наряжалась на маскарад.

— Кто вы? Откуда здесь взялись?

Складывалось впечатление, будто незнакомка соткалась из воздуха или подобно привидению просочилась сквозь стену.

Вместо ответа она шагнула ко мне.

— Как раз сейчас она мчится к твоим родителям. Предупредить, чтобы скорее бежали сюда приводить тебя в чувство. И они приведут. Так, что опомниться не успеешь, как окажешься замужем.

Присутствие чужого человека в спальне напрягало.

— Что вам нужно? — спросила уже резче, пристально изучая женщину.

Нет, раньше ее не видела. Значит, со стороны Оболенских гостя.

— Я могу помочь, Даниэла. Могу увести тебя отсюда, и твоего исчезновения никто не заметит. А когда заметят, будет поздно. К тому времени будешь уже далеко.

— Увести как? Дом полон гостей, охранников, слуг.

И я еще надеялась сбежать. Мечтательница!

— Через потайной ход, милая, проведу тебя по нему. — С этими словами она приблизилась к стене, заты-

нутой старинным выцветшим шелком, на что-то надавила, и у меня на глазах с тихим щелчком распахнулась невидимая дверца.

А вот это уже интересно.

— Мы спустимся и пройдем по подземному ходу. Просто нужно следовать за мной. Что скажешь? Согласна?

Скажу, что на нервной почве все-таки потеряла сознание и теперь брежу. Незнакомка, потайная дверь, подземный ход... Но если это всего лишь мои фантазии, то почему бы и нет? Тем более в одном эта женщина точно права: Карина побежала не официантку раздевать, а к моим родителям. Или к Пете.

По натуре я та еще авантюристка, что не раз усложняло жизнь и отношения с отцом. И сейчас почувствовала, как адреналин побежал по венам, а в голове пульсировала одна-единственная мысль: вперед, во тьму долгожданной свободы!

— Пойдемте!

Решительно шагнула к знакомке, и та, довольно улыбнувшись, первой скрылась в темном проеме. Оглянувшись на спальню, в которой Оболенский в ближайшее время собирался заделать со мной наследника, уверенно двинула за дамой в старинном платье.

Вздрогнула, когда позади сама собой закрылась дверь, а на руке у моей провожатой затрепетал слабый огонек. «Точно, брежу», — пришла к выводу с каким-то флегматическим пофигизмом и последовала за так и не представившейся дамой с огоньком.

— Как вас зовут? Вы гостя со стороны моего жениха?

— Тише, Даниэла. Думай о том, что скоро окажешься далеко от него, и молчи. Ты ведь не хочешь, чтобы нас услышали?

— Да кто тут услышит?

Обхватила себя за плечи руками, вдруг почувствовав, как со всех сторон потянуло холодом. Пугающим, зловещим. Никогда не страдала клаустрофобией и темноты лет с пяти перестала бояться, но сейчас отчего-то стало страшно. Появилось ощущение, будто на меня напирают стены. Давят, сжимаются, медленно подступая.

Ускорила шаг и не сразу поняла, что в тайном ходе я... одна. Не было больше ни незнакомки, ни тусклого огонька. Лишь тьма кромешная. Чувствуя, как по вискам заструился липкий пот страха, повернула было обратно и уперлась в стену. Испугавшись окончательно, закрутилась, завертелась, потом сорвалась с места и бросилась бежать. Хотелось как можно скорее вырваться из непроглядного мрака, вдохнуть свежий воздух... Осознать, что все хорошо, я просто брежу, и все происходит не на самом деле. Сейчас очнусь, приду в себя. Еще немного, и открою глаза. Ну же...

Пискнула, почувствовав, как обо что-то зацепилась, а потом закричала громко, пронзительно. Я падала в эту треклятую тьму, казалось, поглотившую меня и мое сознание.

В себя пришла от чьей-то возни и приглушенных голосов. Вернее, мне они казались приглушенными, будто доносились из-под толщи воды. Судя по интонациям, люди были явно возбуждены или взволнованны, а потому говорили громко.

— Давайте поднимайте ее! Скорее! — звучал властный бас.

— Она приходит в себя! — вторило ему женское слегка истеричное восклицание.

— Так быстро не должна, — заявила другая женщина, голос показался смутно знакомым, и в то же время я ее не знала.

Да что происходит-то?!

Я не видела лиц. Не понимала, где нахожусь и куда меня волокут. Мир вокруг казался скоплением блеклых пятен, наползавших друг на друга и мешавших понять, что со мной и где я. Неужели все еще брежу? И не надоело...

— Церемония должна состояться до того, как она окончательно придет в себя, — добавила знакомая незнакомка, и мне очень захотелось прийти в себя.

Увы, не судьба. Я продолжала видеть пятна, больше похожие на выгоревшие на солнце заплатки ткани. Ноги не слушались, колени дрожали. Глухой стук — кажется, распахнулись двери, а в следующую секунду обнаженные плечи обдало прохладой.

В нос ударил запах благовоний, резкий и удушающий, как если бы я вдруг оказалась в каком-нибудь православном храме. И музыка, лившаяся отовсюду, была соответствующей: медленной, заунывной. Она протягивалась по коже вместе с колючим холодом, и по телу бежали мурашки.

— Скорее, скорее, — шептал кто-то.

Я продолжала перебирать ногами, почему-то не способная остановиться, воспротивиться. Пыталась моргать, чтобы прогнать назойливую хмарь, вуалью брошенную на глаза, — не получилось. Тело не слушалось, мысли путались. Единственное, что удавалось, — улавливать обрывочные фразы.

— Ваше величество, вот ваша невеста, — прозвучало раболепное. — Леди Даниэла.

Я — Даниэла. Не скажу, что леди, но имя точно мое. И с каких это пор Петю величеством величают?

Мысль оборвалась, когда мою ладонь обхватили крепкие мужские пальцы. Чужое, незнакомое прикосновение. Вздрогнула, когда наши пальцы переплелись: мои — ледяные, его — обжигающие, но вырвать руку не смогла. Тело по-прежнему оставалось непослушным.

Мгновение, и начавшие было расплзаться пятна вдруг стали густыми чернильными кляксами. В голове противно загудело и, казалось, продолжало гудеть целую вечность, пока сознание не взорвалось от раскати-стого голоса, эхом прокатившегося по храму, ну или где я там оказалась:

— Согласен ли ты, Редфрит Галеано Третий, связать свою жизнь и свою судьбу с девицей непорочную Даниэлой-Бланкой-Федерицией пред живыми и мертвыми, пред богами и смертными? Здесь, в этот час и на веки вечные.

И снова имя — мое, а жених явно не мой.

— Согласен, — заявил не мой жених уверенно и властно, еще крепче сжимая ладонь, даже больно немного стало.

Как ни странно, в голове от этой боли начало проясняться, а кляксы перед глазами стали как будто прозрачными.

— А ты, Даниэла-Бланка-Федериция, согласна ли посвятить свою жизнь и подарить свою судьбу нашему светлейшему правителю Редфриту Галеано Третьему? Быть ему верной и послушной женой пред живыми и мертвыми, пред богами и смертными?

Теперь я не только слышала монотонное бормотание священника, но и видела его лицо, одутловатое, с ярким

румянцем на лоснящихся щеках. Видела широкую в белоснежном балахоне фигуру и раскрытую книгу, что лежала у него на ладонях.

Тяжелый томик...

— Даниэла? — спросил священник, потом чуть слышно добавил: — Вы должны ответить.

Почувствовав взгляд Галилео Третьего, тоже на него посмотрела. Потом на себя (хм, а грудь-то как будто и не моя), потом снова на незнакомого мужика и честно заявила:

— Нет, что-то не готова я.

По церкви пробежали взволнованные шепотки. Лицо незнакомого Редфрита вытянулось, недобро сузились глаза. Не то черные, не то темно-синие — в полумраке не разобрать.

— Даниэла, — проговорил он тихо, но с таким зверским видом, словно прямо сейчас готов был меня растерзать.

— Я, — полностью с ним согласилась, наверное, пытаюсь убедить в большей степени себя, чем его, что это действительно я.

Хотя... Снова опустила взгляд и сокрушенно вздохнула, не обнаружив у себя знакомые округлости. Жених не мой, грудь тоже не моя. Что за ерунда?

— Что ты должна сказать? — жестко спросил монарх, продолжая удерживать меня на мушке своего взгляда.

— А что я должна сказать?

Шепот за спиной усилился, стремительно перерастая в тревожный гул. Хотела обернуться, чтобы точно понять, где я и кто там все перешептывается, но не смогла. Голова по-прежнему кружилась, малейшее движение отдавалось болезненной ломотой во всех мышцах, словно я без подготовки участвовала в марафонском забеге.

Король (или галлюцинация — я не исключала и этого варианта) повернулся к священнику и властно поинтересовался:

— Мы можем пропустить эту часть обряда?

Служитель церкви, округлив глаза, неуверенно проворкотал:

— Это... про согласие?

— Про согласие, — мрачно подтвердил монарх.

— Но...

— Но я ведь не согласна, — заметила, снова перетягивая на себя внимание короля.

Зря. Судя по хищно раздувающимся ноздрям и выступившим на скулах желвакам, его величество уже всеерьез подумывал о том, чтобы стать вдовцом. А ведь мы даже толком не познакомились.

— Еще одно неверное слово, Даниэла, и остаток своих дней ты проведешь в монастыре, замаливая перед богами грехи, которых у тебя накопилось немало. — Редфрит жестко усмехнулся. Схватив меня за локоть, притянул к себе и процедил мне в губы: — Не искушайте меня, леди Фанталъм. Я и так из последних сил сдерживаюсь, чтобы не отправить вас в какую-нибудь богам забытую обитель или лучше сразу на тот свет.

Охреть.

— Но я не хочу за тебя замуж.

И я не леди Фанталъм.

Не хотела за Петю, а уж за незнакомого мужика, пусть даже короля, тем более не хочу. Особенно за этого деспота! Видит меня впервые в жизни, ровным счетом ничего обо мне не знает, а уже убивать собрался!

— Я тоже не хочу на тебе жениться, но ты не оставила мне выбора.